

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**
Improving of legal consciousness of personality: social-philosophical aspect

С. С. Фоменко, аспирант Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург, ул. Народной воли, 45)

Н. Н. Целищев, доктор философских наук, профессор
Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Рецензент: Б. А. Воронин, доктор юридических наук, профессор

Аннотация

В статье выдвинут и обоснован тезис о правосознании как специфической форме самосознания личности. Раскрыта его конструктивная роль как регулятора и анализатора в формировании личностного правового сознания, а шире – всей правовой культуры личности. Отмечены противоречия между нормами естественного права и нормами закона, обусловленные разной природой таких норм. Сформулирована гипотеза о направленности (интенциональности) правосознания личности на ее внутренний мир, в том числе и такой его предмет, как нормы права, формируемые под воздействием внешнего мира как представления, но становящиеся убеждениями только под влиянием личностного правосознания. Актуализирована проблема соотношения норм права, нравственности и социальной справедливости в формировании правового сознания личности.

Ключевые слова: сознание, правовое сознание, правосознание, самосознание, интенциональность, герменевтика, экстерииоризация, интериоризация, рефлексия, норма, естественное право, государственное право, закон.

Summary

The paper puts forward the thesis of legal consciousness as a specific form of self-consciousness. The author discloses its constructive role as a regulator and an analyzer in the formation of personal legal consciousness and of the entire legal culture of personality. The conflict between norms of natural law and norms of the law due to the different nature of such rules is marked. There is formulated a hypothesis about the direction of legal consciousness of personality on inner life. The article actualizes the problem of the relation of the law, morality and social justice in the formation of legal consciousness of an individual.

Keywords: consciousness, legal consciousness, self-awareness, intentionnaly, hermeneutics, exteriorization, internalization, reflection, norm, natural law, public law, law.

Проблема исследования *правосознания* личности постоянно оказывается детерминированной проблемой самого *правового сознания* как феномена человеческого бытия. При этом большинством исследователей между собой понятия «*правовое сознание*» и «*правосознание*» практически не соотносятся и считаются идентичными (синонимами). Закономерно встает вопрос о том, почему же тогда в научном лексиконе для обозначения одного и того же объекта (предмета) учеными используются разные дефиниции?

Конструктивный ответ на данный вопрос может быть дан только в том случае, если мы соотнесем данные парные категории с другими парными категориями: «*сознание*» и «*самосознание*». Сознание определяется как «воззрения людей в их совокупности на явления природы и социальную реальность, выраженные в созданных обществом естественном или культурном

языке, творениях духовной культуры, социальных нормах и взглядах социальных групп, народа и человечества в целом» [7, с. 637].

Из этого общего определения сознания как совокупности определенным образом выраженных воззрений отнюдь не следует, что они истинны или ложны, нравственны или безнравственны, мифологизированы или реалистичны. Сознание не просто имеет в виду предмет, оно еще придает ему смысл в зависимости от всего предшествующего опыта личностного бытия. Из этого можно сделать предварительное заключение, что весь предшествующий опыт оказывает определенное влияние на воззрения и по отношению к ним выступает некоей доминантой. Именно этот личностный опыт делает сознание *направленным*. Сознание предстает не просто как абстрактная и нейтральная сумма взглядов и суждений. Оно становится направленным и направляемым потоком таких суждений и воззрений. Эту направленность сознания Э. Гуссерль назвал *интенцией* сознания. По его мнению, сознание всегда на что-то *направлено*. Оно всегда есть основание чего-то.

В связи с этой направленностью выделяют несколько типов сознания: два (А. К. Уледов), пять (Ф. В. Константинов), семь (В. Ж. Келле, М. Я. Ковавльзон) и т. д. Выделяют такие виды сознания, как политическое, экономическое, идеологическое, творческое и т. д. [5, 6, 8].

С помощью метода феноменологической редукции немецкий философ попытался представить смысл сознания как совокупность феноменов, идеальных объектов мысли, как особый регион бытия, не подчиненный законам эмпирического мира. По его мысли, сознание как таковое замкнуто в самом себе, изолировано от внешнего мира и поэтому не может быть раскрыто иначе, как с помощью дескрипции (описания). Так, собственно, появилась и сама герменевтика (от греч. *germeneuticos* – истолковывающий). В качестве особого направления современной философии герменевтика описывает сознание в координатах *интериоризации* (опредмечивания) и *экстериоризации* (распредмечивания) идеальных объектов. Э. Гуссерль считал, что описание сознания не может быть сколько-нибудь полным (достоверным), если не будет решена проблема *интерсубъективности*. Суть проблемы философ видел в том, чтобы личность как носитель сознания могла осмыслить свое сознание через *воспоминание о самой себе*. Такое *воспоминание* (или, как говорил древнегреческий ученый Платон, *припоминание*), собственно говоря, и составляет суть *самосознания* (осознания сознания).

Нет и не может быть недетерминированного личным опытом сознания, сознания абстрактного, вообще, в его «чистом» виде. Сознание как совокупность воззрений всегда формируется под влиянием личностного опыта (например, традиции, формальных и неформальных институтов и т. д.). Будучи атрибутом личности, такое сознание соотносит себя с этим предшествующим опытом, влияет на него и само испытывает на себе его влияние. Если этого не происходит, человек считается «умалишенным», утратившим свое сознание. То, что сознание всегда *направлено* (*интенционально*) означает, согласно утверждениям Э. Гуссерля, что оно *рефлексивно* [2]. Рефлексия есть отражение объекта сознания в его предмете, формирование образа объекта в качестве предмета сознания. Но само по себе такое отражение может быть либо простым, либо сложным. Простая рефлексия дает личности лишь первичный образ объективной реальности. Но есть еще и внутренний мир человека, то, что принято считать реальностью субъективной. Когда объект внешнего мира перерабатывается через опыт внутреннего мира личности, то за первым актом формирования сознания, актом чисто механическим и даже отчасти психофизиологическим, возникает второй акт творения сознания. Из *отпечатка* объекта внешней реальности в клетках головного мозга человека сознание превращается в результат продуктивно-творческого воображения, становится своеобразным продуктом «*духовного делания*» (термин И. А. Ильина).

Сам процесс детерминации генезиса сознания личностным опытом приводит к тому, что сознание «обращается» (оказывается направленным) не только к знаниям, не только к информации, оно не только «обрабатывает» и «закрепляет» их в своей структуре (памяти). Оно еще «обращается» и к самому себе, к самому процессу получения, освоения и усвоения знаний, информации. Оно соотносит себя с собой через призму личностного опыта. Так возникает *самосознание*, т. е. знание о самом сознании. И это новое знание, подобно информации, получаемой человеком извне, закрепляется в его сознании как критическое, нравственное сознание. Это уже не простая нейтральная, амбивалентная совокупность воззрений, а система критического отношения к ним, а через них – к самому себе. Классическая формула такого самосознания была предложена еще в древности: «Я знаю, что я ничего не знаю». В кантовской интерпретации она предстала как критика «чистого» разума.

Правовое сознание соотносится с *правосознанием* именно как сознание с самосознанием. *Правосознание* – это самосознание личности, предметом которого становятся ее права, а объектом оказывается она сама как составная часть общества. В самом деле, правовое сознание есть *обладание* чем-то в сознании, есть *наличие* этого *нечто*. Понятия «обладание», «наличие» – это исходные понятия теории права. Так, теория права собственности, отталкиваясь от этих исходных понятий, оперирует терминами «*владение*», «*распоряжение*», «*пользование*», «*употребление*». Широко распространена сегодня и так называемая концепция «пучка прав собственности».

Правосознание как модальность самосознания представляет собой *интенциональное* сознание, направленное не вовне предмета, а внутрь его, не на внешний мир, а в мир внутренний. Иными словами, правосознание – это оценочное суждение о правовом сознании и присущих ему стереотипах мышления. И без такого правосознания само правовое сознание оказывается часто асоциальным и даже антисоциальным. Для блюстителя закона, как правило, безразличны последствия применения норм закона, тогда как для социальной философии проблема качества закона и его норм, а также возможных последствий их применения оказывается центральной. Законники любят повторять известное утверждение «*dura lex sed lex*» – «закон суров, но это закон». Но они чаще всего не задумываются над его справедливостью или несправедливостью, адекватностью или неадекватностью. Для юриспруденции главное – это неотвратимость наказания за преступление, но никак не его адекватность. Проблема адекватности выходит далеко за пределы юриспруденции и становится проблемой социальной философии. Согласно теории К. Маркса, закон – это инструмент, с помощью которого господствующий социальный класс защищает собственные интересы. И пока в обществе есть такие классы или сословия, закон всегда будет настолько же несовершенен, насколько он неадекватен. Требования верховенства закона или права – это требования чисто юридические, но не социально-философские. В Третьем рейхе тоже существовало верховенство закона, даже его диктатура. Но это не мешало нацистам уничтожать людей только за то, что они вступали в «смешанные» браки и «роняли» достоинство «арийской» нации. Именно поэтому помимо диктатуры закона нужно формировать и укреплять в обществе культуру правосознания.

Только отталкиваясь от такого понимания указанных понятий, можно научно объяснить несоответствие норм права, выраженного в различных законных актах, и правоприменительной практики, отраженной во многих судебных решениях. Проблема такого несоответствия носит массовый характер. Само по себе правовое сознание не может быть нравственным или безнравственным. Ведь «закон – это общепризнанное и безличное, т. е. не зависящее от личных мнений и желаний, определение права» [7, с. 601]. *Нравственным* наше сознание, в том

числе и правовое сознание, делает самосознание (правосознание), которое наделяет нас способностью соотносить вырабатываемые и формулируемые общественные воззрения с личным опытом.

При этом следует различать понятия *права* и *закона*. Еще Т. Гоббс, например, трактовал право как простой приказ верховной власти (государства). Под законом же он понимал обычай, ставший нормой. Есть и другие интерпретации, согласно которым закон рассматривается как государственное право наряду с частным правом, которое может и не быть санкционировано государством. Отсюда норма «что не запрещено, то разрешено».

Налицо, по сути, рассуждения о *формальных* и *неформальных институтах*. Если использовать логику противопоставления категорий *права* и *закона*, то можно сказать, что сознание всегда формализовано (формально), тогда как самосознание – это неформальный институт. И в том, и в другом случаях существуют свои собственные «правила» развития. Как бы мы не классифицировали само понятие *право*, (естественное, политическое, государственное, административное, гражданское и т. д.), по большому счету оно всегда будет оставаться *узаконенной* государством нормой поведения. Исключением будет лишь та сфера деятельности человека, которая по каким-то причинам оказалась неcodифицированной. При этом сама личность постоянно соотносит себя и свой опыт с этими внешними по отношению к ней формальными институтами. Именно через такое критическое соотношение она и формирует собственное правосознание, которое может не соответствовать нормам закона. Понятия «право первого», «право сильнейшего» могут и не совпадать с нормами права, санкционированного государством. Но они так же *естественны*, как и все другие права, поскольку возникают из сферы социальных связей и имеют сугубо социальную природу. Поэтому признание или непризнание их со стороны государства связано только с тем, что право как таковое становится законом, т. е. формальным институтом. Само же сознание от такой трансформации права в закон ничуть не меняется, поскольку оно является сознанием личности, а не государства. Самосознание в то же время претерпевает существенную трансформацию, поскольку личность вынуждена делать определенный нравственный выбор: следовать ли ей своим собственным представлениям о том, что такое право, либо принять то толкование, которое предлагает государство.

Коллизия между сознанием и самосознанием, а точнее между правовым сознанием и правосознанием, часто ведет к конформизму. В публичной сфере жизни личность следует нормам закона, а в частной сфере собственного бытия – собственным представлениям. При этом сознание личности и ее правосознание не перестают быть социальными. Изменяются лишь форма и мера социального характера сознания и правосознания.

Как отмечает С. З. Гончаров, «Сознание социально по следующим параметрам:

- по *происхождению* (возникает из совместной деятельности и общения);
- по *содержанию* (оно состоит из социально важных и общих значений);
- по *форме функционирования* (такой формой является язык как материальная оболочка сознания, как материальный носитель значений, как средство общения);
- по *функциям* (сознание направляет и регулирует функции всех звеньев социальной системы);
- по *общему носителю*, хранителю и транслятору состава сознания новым поколениям» [1].

Изменение социальной направленности общественного и личностного сознания как раз и ведет к деформациям в структуре и содержании правового сознания, его отрыву от правосознания. В этих условиях нарастает спонтанность в развитии сознания. Появляются утверждения, согласно которым «сущность сознания и личности – в спонтанности, которая понимается

как открытость вселенской потенциальности», как «подключение к космической вибрации» [4]. С такими суждениями трудно согласиться, поскольку они отвергают детерминацию сознания социальным и духовным пространством и, по сути, снимают вопрос о самосознании как внутреннем регуляторе развития сознания. К сфере правосознания это относится в первую очередь. Личность должна не только знать законы и следовать им, но и понимать эти законы, объяснять их самой себе и активно влиять на их формирование через развитие собственного правосознания.

Думается, что в век прагматизма и рыночной экономики духовность сознания, т. е. его ценностная наполненность, приобретает особое значение уже хотя бы потому, что без такой духовности социальное отчуждение между народом и властью, населением и государством может достичь критических значений. Вряд ли сознательный человек может этого желать. При этом он должен учитывать, что «духовная культура состоит не из одних только ценных содержаний. Значительную часть ее составляют ценные формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности. А из всех формальных ценностей право, как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль» [3].

Библиографический список

1. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление. Ч. 3. Екатеринбург : РГППУ, 2011. С. 38–39.
2. *Гуссерль Э.* Феноменология // Логос. 1991. № 1. С. 12–16.
3. *Кистяковский Б. А.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи; Интеллигенция в России : сборник статей. 1909–1910. С. 109.
4. *Налимов В.* Спонтанность сознания. М. : Академический проект. 2011. С. 347.
5. *Орлова Т. С.* Креативность экономического сознания. Екатеринбург : УрГУ, 2004. 366 с.
6. *Попова Н. Е.* Формирование экономической культуры: от знаний к компетентности. Екатеринбург : УрГПУ, 2012. 193 с.
7. *Спиркин А. Г.* Философия. М. : Гардарики, 2005. С. 637.
8. *Стожко К. П.* Экономическое сознание. Екатеринбург : УрГУ, 2002. 426 с.